

Социальная психология

УДК 316.64
ББК Ю952

СОЦИАЛЬНЫЕ РАМКИ ПАМЯТИ МНОГОПОКОЛЕННОЙ СЕМЬИ

С.А. Векилова

Предметом исследования является память коллективного субъекта – многопоколенной семьи, отраженная в генеалогическом графе и тексте семейной истории. Приводятся аргументы в пользу правомерности использования понятия «коллективная память». Получены эмпирические доказательства того, что память многопоколенной семьи подчиняется закономерностям социальной регуляции. Из нее удаляется то содержание, которое противоречит или не соответствует неосознаваемым социальным установкам и стереотипам. Так, существует высокая вероятность, что в зону семейного забвения попадут не кровные родственники – «свои», а те, кто стал членом семейного рода в результате брака – «чужие»; не супруги и родители, а члены детской подсистемы; не мужчины, а женщины (характерно для первых трех поколений семьи).

Ключевые слова: многопоколенная семья, коллективная память, социальные рамки коллективной памяти, семейное забвение.

Распад традиционной расширенной семьи и переход к нуклеарной форме – типичное явление демографии XX века [1]. Однако наряду с этим очевидным изменением состава семьи отмечается и другое явление полярного характера: стремительно возрождается и развивается интерес к генеалогии и семейной истории, которые можно рассматривать как своеобразные символические заменители прежней реальности широкого круга родственных отношений. Создание и осознание истории семьи и судеб предков становится психологическим противовесом современной разобщенности семейного рода, а образ генеалогического древа ограждает современного человека от болезненного переживания непривязанности, неукорененности в прошлом. Потребность помнить предков и историю рода не является исключительно европейским культурным феноменом. В не меньшей, а, возможно, и в более яркой форме (в виде устной традиции) она проявляется в других этнических традициях [3], что говорит о ее универсальности для человека.

Объектом данного исследования является память многопоколенного семейного сообщества. Обращение к феномену коллективной памяти неминуемо сталкивает исследователя с вопросом об онтологическом статусе этого явления. Может ли социальная группа

быть субъектом процесса, который традиционно понимается как исключительно индивидуальный? В общей психологии принято считать, что субъектом психического процесса может быть только отдельный индивид, именно на таком понимании памяти настаивает С.Л.Рубинштейн [7]. Однако в этот же период 1925–1950 гг. французский философ и социальный психолог Морис Хальбвакс публикует свои работы «Социальные рамки памяти» и «Коллективная и историческая память», где доказывает правомерность термина коллективная память и стоящей за ним феноменологии коллективной памяти [13, 14]. Объектом памяти в концепции М. Хальбвакса может быть не только сенсорный опыт человека – нечто воочию виденное, то, чему он был непосредственным свидетелем, но и уже символизированное в слова и другие знаковые системы знание, которое присваивается индивидом, как членом социальной группы. Индивид присваивает чужие воспоминания, включает их в свою картину мира и начинает использовать их как собственные. Так, например, американцы, родившиеся позднее 1960-х годов и никогда не видевшие воочию президента Кеннеди указывают на его убийство как на значимое событие своей личной истории [15]. Мы, таким образом, получаем воспоминания, реконструированные для нас другими

[6], что обретает особый смысл, когда мы говорим о памяти многопоколенной семьи. Следовательно, вопрос о коллективной памяти это скорее вопрос о разделенных с другими людьми воспоминаниях, которые становятся общими для социальной группы. На таком понимании памяти настаивает Г. Шуман в своей эмпирической работе о памяти поколений [15]. О таком понимании говорит И.А. Трегубенко в своей работе по исторической памяти человека [11].

В данном исследовании память и забывание рассматриваются вслед за М. Хальбваксом не только как коллективные феномены, существование которых невозможно без языка и социальной группы, но и как процессы, модифицируемые социальными рамками. Содержание памяти должно соответствовать тем социальным установкам, осознаваемым и неосознаваемым стереотипам, которые существуют в данной культуре и модифицируют в ней взаимоотношения между людьми. Вместе с тем память и забывание рассматриваются как два явления, отражающих единый процесс структурирования опыта некой социальной группы, в нашем случае – многопоколенной семьи. Память консолидирует родовой опыт, оставляя в нем наиболее значимое, с точки зрения данного сообщества, содержание. Забывание удаляет те аспекты опыта и имена их носителей, которые не содержат с точки зрения данной культуры ничего существенного. Оно, кроме того, выполняет функцию защиты родового сообщества от информации, которая противоречит субъективной версии истории данного сообщества и неадекватна культурным рамкам. Передаваясь от предков к потомкам, из поколения в поколение, память *реконструирует* события и семейные опыты, создавая непротиворечивую *семейную историю* – повествование, которое в свою очередь начинает определять жизненные ориентации и поступки ныне живущих членов данной семейной общности. Способность семьи сохранять семейную память определяет ее возможности в осознании и интеграции жизненного опыта семейного рода и, следовательно, прямо влияет на уровень ее адаптивности.

Память многопоколенной семьи хранит разнообразную информацию об исторических событиях, судьбах и поступках своих предков. Но в данном исследовании было проанализировано содержание только части семейной памяти, которая отвечает за сохранение информации о людях – персонифицированной

памяти. Объективным критерием, того, что конкретный член сообщества включен в родовую память, считался факт называния его по имени. Поскольку имя является индивидуализирующим знаком, опорой для памяти и способом легализации социального бытия человека [10], наличие имени в структуре генеалогического графа и в тексте семейной истории считалось прямым доказательством того, что данный человек сохранен памятью рода. В подавляющем числе упоминаний имени в тексте семейной истории сразу вслед за именем описывается и судьба человека. Напротив, если имя человека не указывалось ни в генеалогическом графе, ни в сопровождающем тексте, считалось, что этот член сообщества попадает в зону семейного забвения.

Забвение – многослойный феномен, который в редких случаях может стать объектом исследования. В данном случае такая уникальная возможность открывается потому, что правила начертания генеалогического графа дают респонденту возможность обозначить фигуры, которые по самой логике вещей должны существовать. Например, если в семье есть дети, то должен был существовать и второй родитель, если мужчина дважды женат, то в графе должен быть отображен генеалогический знак его первой жены и т. д. Так появилась возможность изучать забвение в супружеских и родительских отношениях и размышлять о том, по каким причинам тот или иной человек, бывший полноправным членом семьи, или тот, кто мог бы им стать, не сохранился в памяти своих потомков. Обозначенные с помощью вопросительных знаков люди составляют зону так называемого «очевидного забвения» и представляют своеобразное семейное «предсознательное». Именно эти люди и их местоположение в генеалогическом графе и изучались в данной работе.

За пределами зоны «очевидного забвения» остаются люди, которые попадают в зону «абсолютного небытия», «воскреснуть» из которой практически невозможно, так как семейная память уже в нескольких поколениях не сохраняет не только их имена и истории, но и их самих как некогда живших людей. Если в нашем контексте использовать знаменитую фразу о том, «что человек умирает дважды: первый раз, когда он умирает физически, а второй раз, когда о нем забывают», то в зону абсолютного забвения попадают те, кто умер дважды. Можно предположить, что в этой области находится значительное количе-

ство членов многопоколенной семьи, так как теоретически численность членов каждого старшего поколения генеалогического древа должна возрастать в прогрессии, близкой к геометрической. Эта закономерность, многократно описанная в работах по генеалогии, получила название «закона убывания предков» [12] или «проклятье размерности» [8], но изучать зону «абсолютного небытия» пока не представляется возможным.

Эмпирический материал был собран с использованием метода многопоколенной семейной генограммы, который включает построение нисходящего генеалогического графа и описание судеб членов многопоколенных семей в сопровождающем тексте. Респондентами были 85 человек – члены 85 многопоколенных семейных сообществ. Общий объем выборки составил 5608 человек. Получены доказательства нормальности распределения основных эмпирических показателей с помощью критериев Колмогорова-Смирнова и Лиллиефорса [2], что позволяет применять параметрическую статистику. Данные представлены в табл. 1.

Результаты позволяют судить о среднем «возрасте» многопоколенного семейного сообщества (123, 76 года), его средней числен-

ности - 66 человек и среднем количестве поколений (5,2), а также об абсолютных и относительных объемах зон семейной памяти и семейного забвения, которые составляют соответственно 4351 человек (77,5 %) и 1255 человек (22,4 %) (рис. 1). Данные по разбросу говорят о значительном разнообразии семейных сообществ по измеренным параметрам.

Следующий шаг состоял в том, чтобы понять, какова поколенная динамика процесса семейного забвения. Представляется, что чем больший временной интервал отделяет жизни предков и потомков, тем большее количество членов многопоколенной семьи должно быть забыто, так как время один из значимых факторов забывания. Для этой цели проанализированы средние значения количества тех, «о ком помнят», и тех, «кто забыт», в каждом из поколений семейного сообщества. Данные представлены в табл. 2, в диаграмме на рис. 2 и в генограмме на рис. 3.

Результаты проявляют себя следующим образом: фактор времени не является решающей детерминантой объема семейного забвения, в зону забвения попадают, как давно умершие (50 %), так и ныне живущие члены семейного сообщества (35,09 %). Забвение также мало зависит от численности людей

Описательные характеристики выборки многопоколенных семей (n= 85)

Таблица 1

№	Признак	Среднее (X)	Ст. отклон. (σ)
1	Хронологический возраст (годы)	123,76	21,54
2	Количество поколений	5,2	0,96
3	Количество членов в многопоколенной семье	65,96	34,63
4	Из них:		
	количество людей, имеющих имя	51,19	26,7
5	количество людей, не имеющих имени	14,78	16,17

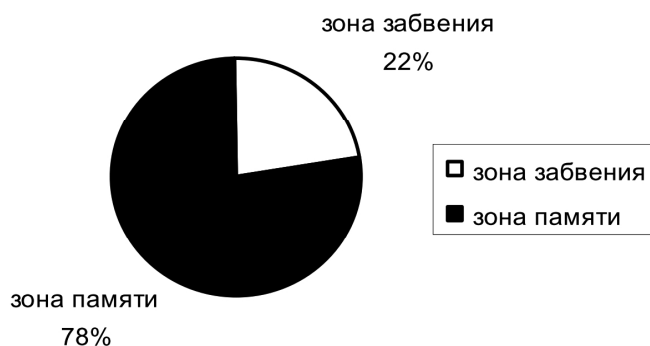

Рис. 1. Относительная численность людей в зонах семейной памяти и семейного забвения по результатам анализа 85 многопоколенных семейных генограмм

Таблица 2
Средняя численность людей, попавших в зону семейной памяти и в зону семейного забвения:
поколенная динамика (n= 85 генограмм)

Признаки	1 поколение 1855–1870	2 поколение 1870–1895	3 поколение 1895–1920	4 поколение 1920–1945	5 поколение 1945–1970	6 поколение 1970–1995	7 поколение 1995–2013
Ср. числ. людей в покол.	0,4	2,26	7,88	15,85	19,38	15,66	4,56
Зона памяти (ср. числ.)	0,2	1,52	6,08	13,05	15,53	11,85	2,96
Зона забвения (ср. числ.)	0,2	0,74	1,80	2,80	3,85	3,81	1,60
Доля забвения, %	50	32,7	22,8	17,70	19,86	24,33	35,09

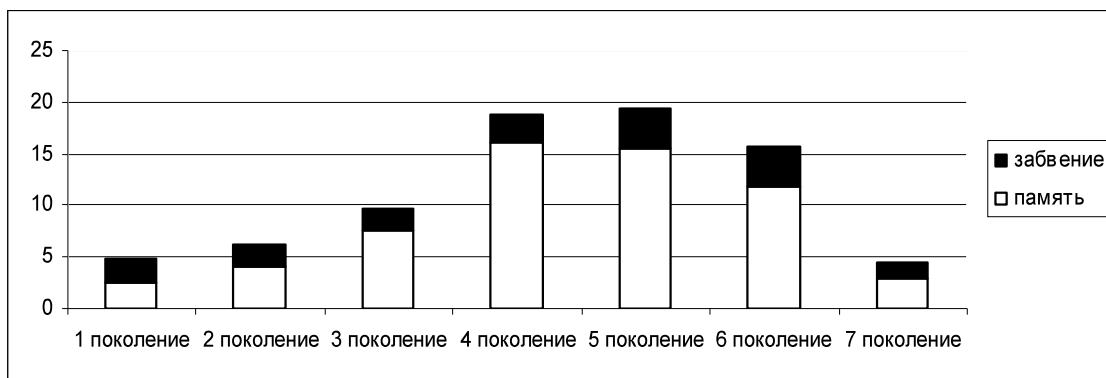

Рис. 2. Поколенная динамика относительной численности людей в зонах семейной памяти и семейного забвения

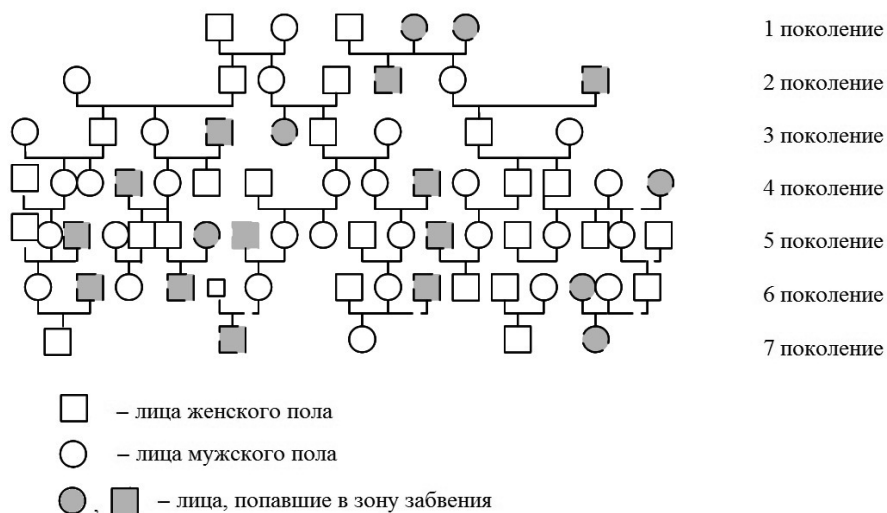

Рис. 3. Гипотетическая «усредненная» генограмма многопоколенной семьи

в поколении и является постоянно действующей переменной, которая сопровождает память на всех ступенях поколенного развития семейного древа (см. рис. 2). Кривая, описывающая долю забытых от средней численности людей в поколении, имеет U-образную форму, с наименьшими значениями в 4-м по-

колении. Поскольку респондент, как правило, был представителем 6-го поколения генеалогического древа, то четвертое поколение представлено его дедушками и бабушками – людьми, с которыми либо он, либо его родители имели эмоционально насыщенные взаимоотношения. Следовательно, память о них

является его личным опытом, чем и определяется ее большая сохранность. Возрастание доли забытых в 6-м и 7-м поколениях позволяет сделать вывод о росте разобщенности между отдельными ветвями родового сообщества. Если обратиться к реалиям жизни, то можно сказать, что, описывая своих ныне живущих родственников, респондент нередко «смутно осознает», что у какой-то его родни «кто-то женился...» или «кто-то родился...», но «что это за люди, как их зовут и каковы их судьбы» – ему не известно. Этот результат дает нам право предположить, что все меньшее число наших современников поддерживает родственные отношения, возможно, замещая их другими видами социальных отношений.

В целях достижения большей наглядности того эмпирического материала, с которым проводилась работа, было составлено изображение усредненной типичной генограммы, полученной в данном исследовании (см. рис. 3). В ней отражены средние значения общей численности многопоколенного семейного сообщества, численности родных в поколенных строках, численности людей, попавших в зону семейной памяти и зону семейного забвения (знаки серого цвета).

Для эмпирической проверки концепции М. Хальбвакса о социальных рамках памяти было сформулировано несколько частных гипотез. Цель каждой из них подтвердить или опровергнуть существование конкретного социального стереотипа, характерного для межгрупповых и межличностных социальных отношений, на материале семейной памяти и семейного забвения. Предположение в целом состояло в следующем: явление будет сохраняться в памяти семьи, если в обществе оно связано с позитивными социальными установками, и удаляться из памяти в случае связи с негативными установками. В исследовании последовательно проверяются 4 социальные установки-дискриминации: дискриминация

человека по признаку принадлежности к социальной группе «свой–чужие», дискриминация по возрасту, полу и семейному статусу.

Гипотеза 1. Семейному забвению в большей степени подвергаются не кровные родные, а так называемые привлеченные супружеские партнеры, т. е. те, некогда чужие люди, которые стали членами семейного рода благодаря браку. Существование этого, одного из наиболее архаичных стереотипов, стереотипа «мы–они» или «свой–чужие» описывается исследователями ранних человеческих культур [5] и этнических культур [9] как один из важнейших механизмов формирования групповой идентичности. Для проверки этой гипотезы все члены 85 генограмм были разделены по критерию кровных родных и родных, привлеченных в род благодаря браку. Данные представлены в табл. 3.

Гипотеза получила подтверждение, так как оказалось, что сам факт брака, брачный церемониал и рождение детей не делают вновь привлеченного партнера автоматически членом семейного рода. Существует большая вероятность, что он выпадет из семейной истории как человек «другой крови». Полученный результат о большей значимости для семейной памяти кровных родственников позволяет предположить, что архаичная структура дуально-родового союза с привлеченными из соседнего рода супругами продолжает латентно существовать в архетипическом бессознательном семьи, продолжая довлеть над отношениями и памятью, дискредитируя «чужих» и «изгоняя» их из семейной памяти.

Сравнение групп кровных и привлеченных родных по критерию пола не дает положительных результатов, обе группы родных в зоне забвения – «чужие» и «свой» – составлены из достоверно не различающего числа мужчин и женщин (коэффициент углового преобразования Фишера $\phi=0,227$ находится в зоне незначимости) (табл. 4). Таким образом,

Таблица 3

Численность кровных родных и привлеченных супружеских партнеров в зоне семейного забвения

Признаки	Кровные родные	Привлеченные партнеры	T-критерий Стьюдента
Общее кол-во, чел.	249	390	2,3
Сред. численность	2,93	4,59	$P \leq 0,05$

Таблица 4

Численность мужчин и женщин в группах кровных родных и «привлеченных» супружеских партнеров в зоне семейного забвения

Признаки	Кровные родные	Привлеченные	Суммы
Мужья	119 (38,5%)	190 (61,5 %)	309 (100%)
Жены	130 (39,4%)	200 (60,6 %)	330 (100%)

фактор «крови» получает приоритет над фактором пола, если речь идет о глубоких психических основаниях семейных взаимоотношений.

Гипотеза 2. Семейному забвению в большей степени подвергаются представители детской, а не супружеской подсистемы. Такое предположение связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, репродукция в старших поколениях многопоколенной семьи часто носила вид неконтролируемой, биологической. Это неминуемо приводило к многодетности и высокой детской смертности в семьях. При этом родовая память не сохранила ни только имена детей, но и даже их точное число. Во-вторых, детская возрастная группа как социальная общность является одной из дискредитируемых возрастных групп [4]. Дети по определению имеют меньший жизненный опыт и более низкий социальный статус, а значит, менее значимы как объекты родовой памяти. Дети важны для близкого родственного круга скорее как объекты надежд, как люди, которые должны кем-то стать. Представителями «детской» подсистемы считались все члены генограммы, которые не перешли в супружеский статус, т. е. в нее входили также одинокие взрослые люди, не ставшие женами, мужьями и родителями – люди, не прошедшие этап супружеской или родительской инициации. Результаты представлены в табл. 5.

Представленные данные требуют пояснения: подавляющее число рожденных в семейном сообществе людей, проходят этап брачной и родительской инициации, поэтому большинство членов многопоколенной семьи

в своеобразном «одномоментном снимке» генограммы являются членами супружеской подсистемы (3143 человек). Их численность значительно превосходит численность людей, не прошедших брачной инициации (1208 человек). Сопоставление выборок по частоте попадания в зону семейного забвения с помощью критерия углового преобразования Фишера, позволяют говорить о том, что в «детской» выборке, доля лиц, которые попадают в зону семейного забвения значимо больше, чем в супружеской выборке ($\varphi_{\text{эмп}} = 13,79$; $p \leq 0,01$). Полученный результат подтверждает выдвинутую гипотезу, согласно которой семейная память проявляет явную тенденцию игнорировать своих младших членов и одиноких взрослых, тех, кто не сделал значимых шагов в семейной карьере.

Гипотеза 3. Тенденции забывания (дискриминации перед семейной историей) в наибольшей степени подвергаются жены и дочери, что связано с традиционной гендерной асимметрией семейных ролей. Результаты представлены в табл. 6 и на рис. 4.

Выдвинутая гипотеза подтвердилась лишь частично. Жены действительно чаще попадают в зону семейного забвения, но эта тенденция задевает только членов первых трех поколений семейной генограммы. В тех поколениях, с которыми респондент связан личными отношениями, дискредитации по гендерному основанию не происходит. Начиная с 4-го поколения количество забытых мужей превосходит по абсолютным значениям количество забытых жен, но эти различия не достигают уровня достоверных. Что касается

Таблица 5

Количество представителей супружеской и детской семейных подсистем, оказавшихся в зонах семейной памяти и семейного забвения

Признак	Кол-во людей в зоне памяти	Кол-во людей в зоне забвения	Суммы
Супружеская подсистема	3143 (83,1 %)	639 (16,9 %)	3782 (100 %)
Детская подсистема	1208 (66,2 %)	618 (33,8 %)	1826 (100 %)

Таблица 6

Средняя численность мужей и жен, сыновей и дочерей, попавших в зону семейного забвения

Поколения	Муж	Жена	t-критерий	Сын	Дочь	t-критерий
1 поколение	0,02	0,19	2,4 0,05 $p \leq 0,05$	–	–	не знач.
2 поколение	0,19	0,53	2,3 0,05 $p \leq 0,05$	–	–	не знач.
3 поколение	0,28	0,65	2,8 0,01 $p \leq 0,01$	0,24	0,31	не знач.
4 поколение	0,89	0,66	не значимо	0,31	0,12	не знач.
5 поколение	1,19	1,12	не значимо	0,29	0,48	не знач.
6 поколение	0,95	0,69	не значимо	0,73	0,63	не знач.
7 поколение	0,05	0,01	не значимо	0,35	0,33	не знач.

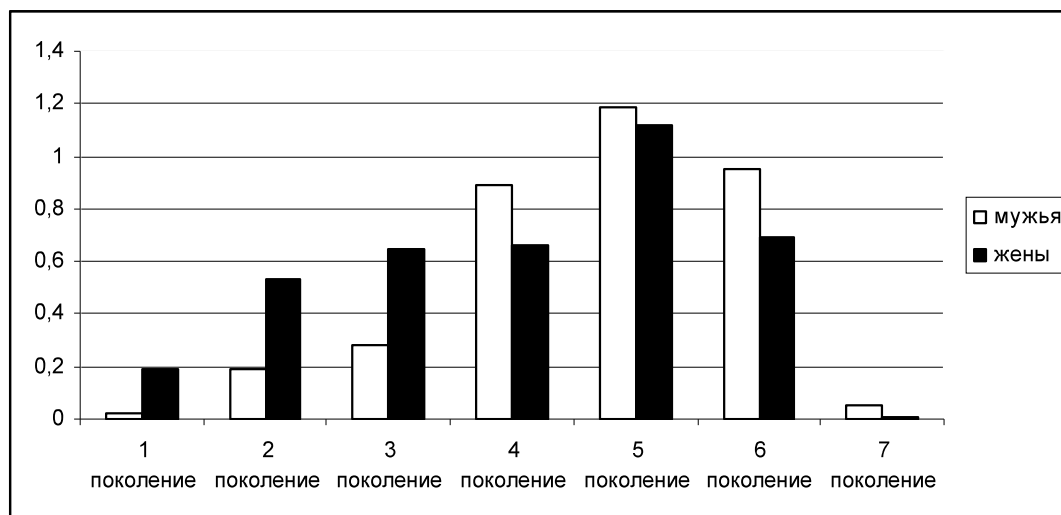

Рис. 4. Средняя численность забытых мужей и жен (поколенная динамика)

представителей детской подсистемы, то ни в одном из поколений семейного древа не получено достоверных данных о большем забвении дочерей по сравнению с сыновьями. Таким образом, можно говорить о том, что в детской семейной подсистеме не происходит дискредитации по гендерному основанию.

Гипотеза 4. Семейная память сохраняет имена тех своих членов, кто занимал в супружеской подсистеме «почетное» место мужа и жены, т. е. тех, кто были классическими моногамными партнерами и оказались способными поддерживать супружеские отношения, выбрав брачного партнера единожды. Разведенные жены и мужья и те, кто находился в фактическом браке, забываются легче, поскольку их семейный статус является более низким, пребывание в семейной системе непродолжительное, а вклады – менее значительны.

Гипотеза 4 не получила эмпирического подтверждения, в зону семейного забвения попадает значимо больше представителей классических моногамных браков, по сравнению с представителями немоногамных браков. Значение коэффициента углового преобразования Фишера $\phi = 11,079$; $p \leq 0,01$ подтверждает противоположную гипотезу: вероятность попасть в зону семейного забвения выше для представителя моногамного брака. Таким образом, супружеский статус не проявил себя как значимый фактор семейного забвения. Можно говорить о том, что меняется не только современная структура семьи и правила брачного поведения, но изменяется их восприятие: то, что раньше воспринималось

как брачная «девиация» и социальный стигмат, в настоящее время рассматривается как один из нормальных сценариев брачной карьеры.

Подводя итог проведенному исследованию, можно с уверенностью утверждать, что память многопоколенной семьи подчиняется законам социальной детерминации, влияя на «структуру членства» этого символического социального сообщества. Она удаляет из семейной истории и генеалогического графа тех своих членов, кто подвергается социальной дискриминации в данной культуре. В нашем случае, эта дискриминация осуществляется по признакам групповой принадлежности, возраста и пола. Из памяти многопоколенной семьи с большей вероятностью исчезают не кровные родственники («свои»), а те, кто пришел в семейный род как брачный партнер («чужие»). Кроме того, память подвергает дискриминации детей и тех, кто номинально не покинул детскую подсистему (взрослые, не прошедшие этапов супружеской и родительской инициации). Женщины независимо от брачного статуса также больше подвергаются дискриминации перед семейной памятью, но эта тенденция характерна только для первых трех поколений семейной генограммы.

Литература

1. Антонов, А.И. *Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве* / А.И. Антонов // *Вестник Московского университета.*

Серия 18. Социология и политология. – 2010. – № 4. – С. 134–150.

2. Векилова, С.А. Психометрические свойства метода многопоколенной семейной генограммы / С.А. Векилова // *European Social Science Journal*. – 2013. – 1(29). – Т. 1. – С. 298–305.

3. Д'Азеведо, У.Л. История одного племени в Либерии / У.Л. Д'Азеведо // *Когнитивная психология памяти*. – СПб.: Прайм-ЕВРО-ЗНАК, 2005. – С. 520–531.

4. Микляева, А.В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен / А.В. Микляева. – СПб.: Речь, 2009. – 160 с.

5. Поршнев, Б.Ф. Социальная психология и история / Б.Ф. Поршнев. – М.: Наука, 1979. – 232 с.

6. Рикер, П. Память. История. Забвение / П. Рикер. – М., 2004. – 365 с.

7. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2007. – 713 с.

8. Русская генеалогия. Энциклопедический словарь. – М.: Богородский печатник, 1999. – 229 с.

9. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. – 4-е изд. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 367 с.

10. Суперанская, А.В. Имя через века и страны / А.В. Суперанская. – М.: КомКнига, 2010. – 192 с.

11. Трегубенко, И.А. Память рода в структуре исторической памяти / И.А. Трегубенко // *Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции*. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2011. – Вып. 5. – С. 85–86.

12. Усков, И.Ю. Отечественная генеалогия / И.Ю. Усков. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – 112 с.

13. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // *Неприкосновенный запас*. – 2005. – № 2–3.

14. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

15. Шуман, Г. Коллективная память поколений // Г. Шуман, Ж. Скотт // *Социологические исследования*. – 1992. – № 2. – С. 47–60.

Векилова Севиль Афрасьябовна, доцент кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, vekilova@mail.ru

SOCIAL FRAMES OF MULTIGENERATIONAL FAMILY'S MEMORY

S.A. Vekilova, Herzen State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russian Federation, vekilova@mail.ru

The subject of the article is the family's memory analyzed through genealogical tree and family history text. There were obtained some arguments toward the idea that the term «collective memory» can be used as scientific term. There were also gained the empirical evidences of social determination of family's memory. For example family's memory deletes in the first turn the names of such members, whose qualities contradicts to the unconscious culture's attitudes and stereotypes. So, according to such idea it is of high risk that we'll find in forgetting zone females but not males, those members of multigenerational family who did not go through marital and parent initiation and those who became relatives by marriage, but not by blood.

Keywords: multigenerational family, collective memory, social frames of collective memory, family forgetting.

Поступила в редакцию 14 июля 2013 г.